

Сцена из спектакля «Врач» Лысьвенского театра драмы имени А. А. Савина.

Фото Евгении Савиной

Пятый, юбилейный

В сентябре в Молодежном театре Алтая прошел V всероссийский фестиваль имени В. С. Золотухина

текст **Юлия ПЛОТНИКОВА**

Конкурсная программа фестиваля была обширной — в нее вошли 12 спектаклей, привезенных коллективами из Нягани, Буинска, Челябинска, Прокопьевска, Лысьвы, Барнаула, Кемерово, Нижнего Тагила, Новосибирска и Кирова. Гостем фестиваля стал Российский академический молодежный театр (Москва). В афише были постановки, основанные и на произведениях классиков (Гоголя, Булгакова, Островского), и на современном материале (пьесы Светланы Баженовой, Дарьи Уткиной и Ирины Васьковской, Александра Цыпкина). К сожалению, посетить все показы не удалось, но хочется поделиться впечатлениями о тех спектаклях, которые довелось увидеть.

Мистическую драму «Врач» режиссера Андрея Шляпина привез на фестиваль Лысьвенский театр драмы имени А. Савина. Спектакль, литературной основой для которого послужил цикл рассказов Михаила Булгакова «Записки юного врача», идет два часа без антракта. И смотрится на одном дыхании.

...Огромное, полутемное пространство. Снег. Кто-то, закутанного в тулуп, одеревеневшего, неподвижного, волочат за ноги к зданию Мурьевской больницы. Оказывается, молодого врача Владимира Бомгарда

(актер Михаил Тихомиров), едва не замерзшего в дороге. Здесь его встречают коллеги — фельдшер Демьян Лукич (актер Алексей Якубенко), акушерки Пелагея Ивановна (в разных составах ее роль исполняют Екатерина Новикова и Нина Ахтырская) и Анна Николаевна (актриса Маруся Киликеева). Бомгард еще не врач в полном смысле этого слова — вчерашний выпускник университета, неопытный, мнительный, испытывающий страх при одной лишь мысли о том, что придется принимать пациентов. Подпитывает страхи юного врача и атмосфера затерянной в глуши больницы, созданная на сцене художником-постановщиком Ольгой Вологиной. Строго взирает на своего преемника с портрета доктор Леопольд Леопольдович (актер Игорь Безматерных), о котором коллеги и крестьяне вспоминают с благоговением, сторож Егорыч (актер Эдуард Фролов), персонаж совершенно потусторонний, по ночам обходит вверенную ему территорию с колотушкой, словно творя какой-то обряд.

Значительное место в спектакле отведено инициации Бомгарда — его первой операции, ампутации ноги у молодой крестьянки. Никто из персонала больницы не верит, что ее можно спасти, слишком уж много крови потеряла по дороге.словно бросаясь в омут с головой, Бомгард берется за операцию, и эта сцена, пожалуй, самая насыщенная в спектакле, напряженная до предела, удивительная по нерву и накалу страстей. Монолог молодого врача, сплошь состоящий из медицинских терминов, звучит как отчаянный призыв к умирающей, призыв, забирающий ее у тьмы и смерти. «Полотенце с петухом» — так называется рассказ, первый из цикла, легший в основу этой части спектакля. Хочется восхититься работой художника-постановщика Ольги Вологиной, придумавшей функциональную и символическую сценографию. Белое полотно, служащее операционным столом, превращается в то самое полотенце с вышитым красным петухом, которое преподносит девушка Бомгарду в благодарность за спасение.

Белый и черный цвета, преобладающие в оформлении спектакля, — это тьма и свет, наука и невежество, с которым Бомгард борется так же, как с болезнями, на протяжении всей своей жизни. Если у Булгакова

молодой врач спустя некоторое время покидает Мурьевскую больницу, передав ее в руки преемника, такого же вчерашнего выпускника, то в постановке Андрея Шляпина он остается там до последнего своего дня. С каждым поворотом сценического круга уходят коллеги Владимира Бомгарда, остаются лишь он сам да вечный Егорыч как проводник между двумя мирами. Поразительно то, как на глазах у зрителя превращается Бомгард из юнца в зрелого мужчину, уверенного в себе профессионала, а затем и в старика. Награда за лучшую мужскую роль, которую получил Михаил Тихомиров по решению жюри, абсолютно заслуженная.

«Страшная сказка девочки из прошлого века», — так обозначен жанр спектакля Рината Киякова «Сахарный ребенок», основой для которого послужил отрывок из повести Ольги Громовой. Камерную постановку привез Новый молодежный театр из Нижнего Тагила.

Показ состоялся на малой сцене Молодежного театра Алтая. Декорации спектакля представляют собой подобие комнаты — потолок и три стены, сколоченные из деревянных реек. На стене, что расположена посередине, висит огромная, словно считая на великана, телогрейка. От зрительного зала комнату отделяет колючая проволока; все пространство внутри комнаты заставлено чемоданами, ящиками, коробочками. Из них актеры, словно фокусники, то и дело извлекают куклы и игрушки, с помощью которых рассказывают историю одной семьи (режиссер по кукольной пластике — Роман Бокланов).

«Сахарным ребенком» называют главную героиню — девочку Элю (актриса Елена Агеева). Все страшные события в спектакле зрители видят ее глазами. Когда отца Эли (актер Влас Корнепанов, который, к слову, исполняет в постановке все мужские роли) арестовывают как врага народа, девочка вместе с мамой (актриса Ксения Чернолуцкая) отправляется в киргизский ГУЛАГ. Пространство уютного дома превращается в жилую зону — плетеный сарай. Условия, в которые попадают маленькая Эля и ее мама, — нечеловеческие.

Сцена из спектакля «Сахарный ребенок» Нового молодежного театра (Нижний Тагил). Фото Евгения Савиной

Сцена из спектакля «Шинель» Новосибирского академического молодежного театра «Глобус».
Фото Евгения Савиной

Здесь приходится едва ли не голыми руками рыть землянку, чтобы спастись от холода, а за попытку сорвать тюльпан, распустившийся по ту сторону колючей проволоки, можно получить удар в лицо от конвоира. Но люди, вопреки темным, мрачным обстоятельствам, даже в холодных пустых бараках продолжают читать друг другу стихи, рассказывать детям сказки, говорить о важных вещах — одним словом, продолжают нести в себе искру надежды и любви к ближнему. В финале спектакля эта мысль как будто бы обретает зримое воплощение: фото заключенных ГУЛАГа, использованные в оформлении, подсвечиваются мягким, теплым светом.

Новосибирский театр «Глобус» привез на фестиваль премьеру прошлого сезона — спектакль Ивана Орлова «Шинель» по повести Николая Гоголя, в котором заняты всего четыре актера. Акакий Акакиевич Башмачкин (актер Иван Зрячев) появляется на сцене до начала действия — он сидит спиной к зрителю, всем своим существом выражая обреченную покорность.

Он ждет судебного разбирательства. Комиссия, члены которой в программке именуется как Первый (актер Никита Зайцев), Второй (актер Станислав Курагин) и Третья (актриса Элина Зяблова), рассматривают дело Башмачкина в непринужденной и даже стёбной манере. На большом экране, составляющем, по сути, основной элемент сценографии, демонстрируются черно-белые кадры — сценки из офисных будней, где Акакий Акакиевич становится жертвой травли со стороны коллег, в современном обществе принято говорить: жертвой буллинга. Невысокий, полноватый очкарик с нелепой прической — «идеальная мишень» для издевательств лощеных щеголей-коллег. Мягкотелого Башмачкина унижают все и вся — и люди, и природа. Зимняя стужа в спектакле обретает облик лихих разбойников сбряцающим холодным оружием в руках, которые загоняют Акакия Акакиевича, как охотники зверя. Места, в которых требует починки старенькая шинель Башмачкина, отмечены вонзенными в спину клинками.

Акакий Акакиевич преобразается только в короткий миг исполнения мечты. Новенькая шинель, предмет всех чаяний и надежд Башмачкина, предстает в виде нежной и хрупкой девушки. С ней главный герой исполняет одухотворенный и трогательный танец под песню Виктора Цоя, где есть слова: «Я знаю, мое дерево не проживет и недели». Фраза читается как пророческая. После пирушки в честь обновки красавицу-шинель умыкают бандиты. И начинается новый виток мытарств и унижений Башмачкина, безответных просьб о помощи; виток, который завершается болезнью и смертью.

Выясняется, что судебное разбирательство, с которого начался спектакль, ведется уже над душой бедного Акакия Акакиевича. Во время заседания Башмачкин как будто бы заново проживает все то, с чем ему довелось столкнуться в земной жизни, и чаша терпения переполняется. Превратившись в «дикое, но симпатичное» привидение, главный герой дает волю своему негодованию и обращает насмешливых судей в бегство. На большом экране мелькают хаотично, в такт происходящему на сцене, отрывки из повести Гоголя. «И может, даль я, а может, был я, а может, соль я, а может, пыль я», — поется в песне группы «АукцЫон», которая звучит в момент разгула Акакия Акакиевича. Прежде чем навсегда уйти в небытие и превратиться в пыль, Башмачкин берет долгожданный реванш, отстаивает свое право на уважительное отношение к себе.

Гран-при фестиваля получил спектакль Андрея Прикотенко «Петерс», премьера которого состоялась в новосибирском «Старом доме» три года назад. Постановка по рассказу Татьяны Толстой стала обсуждаемым событием в культурной жизни не только Сибири, но и всей страны — недаром «Петерс» вошел в число самых заметных премьер сезона 2020–2021 по версии экспертов «Золотой маски».

Спектакль предваряет перформанс: раскованные, гибкие, роскошные, как черные пантеры, модели позируют фотографу (актер Тимофей Мамлин). За-

вершение гламурной фотосессии знаменует начало основного действия. На фоне четырех граций, только что покинувших фотоателье, Петерс (актер Анатолий Григорьев) кажется еще более нелепым, жалким и бесформенным. Он приходит к фотографу, чтобы тихим, задуманным голосом попросить сделать снимок себе на памятник — да-да, на тот самый памятник, который устанавливают на могилку. Уже в этот момент становится понятно, что это какая-то крайняя точка одиночества и обреченности, которой только может достигнуть человек. Как и почему так случилось, становится понятно из рассказа о жизни Петерса. Фотограф обращивается персонажем-трикстером, демоническим, инфернальным, саркастичным; именно он проводит зрителя через всю биографию чудака-клиента, показывая его жизнь безжалостно, без прикрас, как на неотретушированной снимке. Одно короткое, как вспышка фотоаппарата, мгновение — и вот уже перед нами Петерс-младенец, Петерс-ребенок, Петерс-взрослый, что, по сути, одно и то же, потому что в любом возрасте герой остается мальчиком, с которым никто не хотел играть. Одиноким, странным, лишним, не вызывающим у окружающих ни симпатии, ни любви, ни желания. Он — узник своего мешковатого тела. Его душа, которая жаждет теплоты и участия, не находит их.

Художник Ольга Шаишмелашвили помещает героев в пространство-коробку, состоящее из трех стен, пола и потолка. Иногда оно расцветивается узорами (художник по свету — Игорь Фомин) наподобие тех, что можно увидеть в детской игрушке — калейдоскопе. Чередой картинок и сценок проходит перед зрителем жизнь Петерса. Четыре актрисы — Лариса Чернобаева, Софья Васильева, Альбина Лозовая и Наталья Пьянова — перевоплощаются в женщин, с которыми сводила Петерса жизнь. Это и ба-

бушкины подруги, и коллеги по библиотеке, и подружки, разговор которых герой подслушивает в кафе, и танцовщицы в злачном заведении... Петерс отчаянно хочет дружить и любить, но все его прекрасные порывы — проводить до дома, подарить букет цветов — разбиваются о суровую действительность. Женщины его просто-напросто не замечают, он для них — «больной», «дюдя», «дундук какой-то эндокринологический». Прекрасная пышнотелая Венера, время от времени возникающая в зазоре между декорациями, растворяется в воздухе прежде, чем Петерс оглянется на нее. А жена, которой герой обзаводится и которую теряет, существует в спектакле только на словах — настолько мало значит она в судьбе уставшего и опустошенного Петерса, что не получает материального воплощения.

Важным символом в спектакле становятся колготки. Женские колготки носит в детстве — корне всех бед — Петерс, элегантные белые колготки облегают ноги Фаины — библиотекарши, в которую безответно влюблен герой. Телесные колготки опутывают Петерса, как паутина, в заключительной сцене спектакля. Сидя на скамеечке в обнимку с огромной кастрюлей, герой без аппетита, на автопилоте поедает вареную курицу. По словам Петерса, бабушка съела его единственное детство, он же как будто бы съедает свою невкусную, скудную, постную жизнь. А доев, сбрасывает с себя рыхлое и ненужное теперь тело; в него, как в мешок, летят дурацкие очки и овальное фото на памятник. Спектакль Прикотенко — о душе, замурованной в теле и вырвавшейся наконец, свободной и живой. ❏

Сцена из спектакля «Петерс» Новосибирского государственного драматического театра «Старый дом». Фото Евгении Савиной

